

«Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа)

© 2022 г. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.

Keywords: archaeology, Western Saryarka, Ashutasty, «solar» mounds, Steppe, chronology, stone ridges

Түйін сөздер: археология, Батыс Сарыарқа, Ашутасты, «күн сәулелі» обалар, Дала, хронология, тас тізбектер

Ключевые слова: археология, Западная Сарыарка, Ашутасты, «солнечные» курганы, Степь, хронология, каменные гряды

Gulnara Jumabekova¹, Galiya Bazarbayeva^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
Email: gdzhuma@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. Email: galiya2002@gmail.com

“Solar” mounds of Ashutasty: historical memory in the Steppe (based on the results of radiocarbon analysis)

Abstract. The article publishes for the first time three dates obtained from the mound with «moustaches» complex in Western Saryarka, representing a wide range of time before the Kazakh period. Individual elements of the complex show the different timing of their construction or use in the process of ritual practice. In this regard, the question of the chronology of this type of archaeological monuments and the significance in the spiritual culture of the Steppe population is raised. Traditionally, the dominant mound dates back to the time of the Tasmola culture, satellite mounds and ridges – from the Hunnic period to the ethnographic modernity. It is necessary to note the role of mounds with «moustaches» in the formation of the sacred landscape for thousands of years. The term “solar” mounds was first used by Alkey Margulan (1904–1985), who was at the origin of the creation of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan and brought up a series of outstanding personalities who continued to study the culture of the ancient population of the country. Among them: A. Orazbayev (1922–1997), M. Kadyrbayev (1932–1982), F. Arslanova (1934–1995), S. Akhinzhanov (1939–1991), each of whom contributed to the study of a unique archaeological monument – mounds with stone ridges. The main area of this type of objects coincides with the boundaries of the historical and cultural landscape – Saryarka.

Acknowledgements: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630. The authors thank A.Z. Beisenov, A.M. Manapova, B.A. Sirazheva, M.K. Suindikova, S.V. Svyatko for valuable advice and consultations.

For citation: Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2022. “Solar” mounds of Ashutasty: Historical memory in the Steppe (based on the results of radiocarbon analysis). *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 43-73 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

**Гүлнар Сайынқызы Жұмабекова¹,
Галия Аппазқызы Базарбаева^{1*}**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан.

^{1*}корреспондент-авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,

**Гульнара Саиновна Джумабекова¹,
Галия Аппазовна Базарбаева^{1*}**

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан.

**Ашутасты «күн сәулелі» обалар:
Даладағы тарихи жады
(радиокарбон талдау нәтижесі бойынша)**

Аннотация. Мақалада Батыс Сарыарқадағы «мұртты обалар» кешенінен алынған, кейінгі ортағасырға дейінгі кең уақыт диапазонын көрсететін үш мерзім алғаш рет жариялануда. Кешеннің желеген элементтері оның құрылысының әр түрлі уақытқа тиісті екенін немесе ғұрыптық тәжірибе үрдісінде қолданылғанын көрсетеді. Осыған байланысты археологиялық ескерткіштердің осы түрінің хронологиясы және Дала тұрғындарының рухани мәдениетіндегі маңызы мәселесі көтеріледі. Дәстүрлі оба-доминант тасмола мәдениеті уақытымен, оба-спутниктер мен тізбегі – ғұн кезеңінен этнографиялық қазіргі уақытқа дейін деп мерзімделеді. «Мұртты» обалардың мыңдаған жылдар бойы киелі ландшафтың қалыптасуындағы рөлін атап өту қажет. Қазақстан Ғылым академиясының Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрылуының бастауында тұрған және еліміздің ежелгі тұрғындарының мәдениетін зерттеуді жалғастырушы, атақты жеке ғалымдар плеядасын тәрбиелеген Әлкей Марғұлан (1904–1985) «күн сәулелі» обалары терминін алғаш қолданды. Олардың әрқайсысы Ә. Оразбаев (1922–1997), М. Қадырбаев (1932–1982), Ф. Арсланова (1934–1995), С. Ақынжанов (1939–1991) ерекше археологиялық ескерткіш – тас тізбектерімен обаларды зерттеуде өз үлестерін қосты. Аталған нысандар түрінің негізгі ареалы Сарыарқаның тарихи-мәдени ландшафты шекарасымен сәйкес келеді.

Алғыс: Мақала ҚР БҒМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде даярланды. ЖТН № BR11765630. Авторлар бағалы кеңестері мен консультациялары үшін А.З. Бейсенов, Ә.М. Манапова, Б.А. Сиражева, М.К. Сүйіндіқова, С.В. Святкоға алғыс білдіреді.

Сілтеме жасау үшін: Жұмабекова Г.С., Базарбаева Ф.А. Ашутасты «күн сәулелі» обалар: Даладағы тарихи жады (радиокарбон талдау нәтижесі бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 43–73-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан.

**«Солнечные» курганы Ашутасты:
историческая память в Степи
(по результатам радиокарбонного анализа)**

Аннотация. В статье впервые публикуются три даты, полученные из комплекса «курган с усамы» в Западной Сарыарке, представляющие широкий диапазон времени до казахского периода. Отдельные элементы комплекса показывают одновременность их сооружения либо использование в процессе ритуальной практики. В связи с этим поднимается вопрос о хронологии этого вида археологических памятников и значении в духовной культуре населения Степи. Традиционно курган-доминант датируется временем тасмолинской культуры, курганы-спутники и гряды – от гуннского периода до этнографической современности. Необходимо отметить роль курганов с «усами» в формировании сакрального ландшафта на протяжении тысячелетий. Термин «солнечные» курганы был впервые применен Алькеем Марғұланом (1904–1985), стоявшим у истоков создания Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана и воспитавшего плеяду выдающихся личностей, продолживших изучение культуры древнего населения страны. Среди них: А. Оразбаев (1922–1997), М. Кадырбаев (1932–1982), Ф. Арсланова (1934–1995), С. Ахинжанов (1939–1991), каждый из которых внес вклад в изучение уникального археологического памятника – курганов с каменными грядами. Основной ареал данного типа объектов совпадает с границами историко-культурного ландшафта – Сарыарки.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630. Авторы благодарят А.З. Бейсенова, А.М. Манапову, Б.А. Сиражеву, М.К. Суиндикову, С.В. Святко за ценные советы и консультации.

Для цитирования: Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиокарбонного анализа). *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 43–73. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

1 Введение (Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.)

В статье в научный оборот вводятся результаты радиоуглеродного анализа материалов, полученных при изучении кургана с каменными грядами на могильнике Ашутасты-2 (г. Аркалык¹, Костанайская обл.). Впервые относительно такого вида памятников термин «солнечные курганы»

¹ Под обозначением «г. Аркалык» подразумевается территория Аркалыкского городского маслихата.

применил А.Х. Маргулан² [Маргулан 1948; 1949]. Отметим, что именно ориентированные на восток каменные гряды маркируют «связь с солнцем». Стационарно памятник исследовался экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана на протяжении двух полевых сезонов в 2016–2017 гг. [Базарбаева и др. 2017].

Целенаправленные исследования «солнечных» курганов были начаты во 2-й пол. XX в. – с момента создания первой археологической экспедиции Академии наук КазССР – Центрально-Казахстанской (подробнее см.: [Бейсенов и др. 2017a]). Подробный историографический анализ по истории изучения курганов с каменными грядами имеется в ряде работ, опубликованных сравнительно недавно (см. напр.: [Бейсенов 2017; Самашев 2021; Грудочко 2020]).

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о назначении комплекса «курган с каменными грядами» – «усами» и их датировке. Исследования в Костанайской области Казахстана, входящей в пределы Сарыарки (рис. 1А), вносят свою лепту в решение этой проблемы. Некоторые результаты раскопок кургана № 3 мог. Ашутасты-2 опубликованы ранее [Базарбаева, Джумабекова 2017; Джумабекова, Базарбаева 2017]. В соответствующем разделе статьи кратко напомним основные моменты.

Рис. 1А. Ашутасты-2 на карте Казахстана. Карту подготовил М.А. Антонов
1А-сур. Ашутасты-2 Қазақстан картасында орналасуы. Құрастырған: М.А. Антонов
Fig. 1A. Location of Ashutasty-2 on the map of Kazakhstan. Compiled by: M. Antonov

² Подробнее см. репортаж с места раскопок: [Солнечные курганы Ашутасты]. О личности А.Х. Маргулана см.: [Маргулан 2018; Манапова 2018].

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования (Базарбаева Г.А.)

Для изучения материалов применялись традиционные в археологической науке методы – полевые и лабораторно-аналитические исследования. Экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2015 г. памятник обследовался в ходе разведочных работ. В полевых сезонах 2016–2017 гг. раскопками было изучено начало и окончание южной гряды, представленных каменными выкладками, а также курган-спутник, получивший обозначение 3А.

Каждый этап работы фиксировался при помощи составления подробного описания, выполнения фото- и графической документации* (*Ведение полевой документации выполнено Г.С. Джумабековой, Г.А. Базарбаевой; оцифровка чертежей – М.Г. Калыковым, допечатная обработка иллюстративного материала – О.В. Кузнецовой). Производился отбор проб. Новизной данной статьи является публикация результатов радиоуглеродного анализа.

При подготовке материалов к публикации успешно применен метод систематизации имеющихся данных. С этой целью сделано несколько выборок, отдельно по известным датам, полученным при раскопках курганов с «усами», также проанализирована частота встречаемости каменных изваяний, контекст которых связан с подобными комплексами.

Для анализа конструктивных особенностей сооружения применялась классификация, разработанная отечественным археологом А.З. Бейсеновым, чей опыт в области специального изучения «солнечных» курганов насчитывает порядка 30 лет.

2.2 Характеристика материала (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Памятник представляет собой могильник из четырех курганов, вытянутых цепочкой по линии С–Ю. Курган № 3 – с каменными грядами. Диаметр 26 м, высота 1,20 м. С восточной стороны к основному кургану примыкает курган-спутник, от которого в восточном направлении тянутся две гряды – «уса». По типологии, разработанной А.З. Бейсеновым, относится к типу 2а [Бейсенов 2017: 32]. Курган-спутник (ритуальная насыпь) диаметром 11 (С–Ю)×10 (З–В) м, высота 20-30 см - уплощенный, задернованный, на поверхности фиксируется обилие мелких камней. Полы кургана-спутника «наползают» на восточную полу основного кургана не менее чем на 3 м (рис. 1В).

Верхний слой кургана-спутника – это мелкие колотые камни. В основе его находится крепида по полам кургана, сооруженная из более крупных камней. Среди них находились уложенные горизонтально и поставленные на ребро камни. Зазор между крупными камнями заполнен мелкими. Ширина крепиды на разных участках составила 1,0-2,0 м. Под насыпью кургана-спутника в восточном секторе на глубине -0,31 м зафиксирован вкопанный сосуд из очень рыхлой, плохого обжига глины. На глубине -0,49 м в южной части кургана у внутреннего края кольца зафиксировано золистое пятно размерами 46×80 см.

С северной, северо-восточной, юго-восточной сторон к кургану-спутнику примыкают ритуальные (?) оградки. Внутри северо-восточной оградки (диаметр 1,3 м), в центре ее, зафиксирован камень, вероятно, стела. Оградка, расположенная в юго-восточном поле кургана, имеет подпрямоугольную в плане форму, ориентированную углами по сторонам света (рис. 2; 9). Размеры ограды составили 2,10 (З–В)×3,60 (С–Ю) м. Она углублена по отношению к уровню погребенной поверхности на 0,30 м. С восточной стороны, внутри конструкции, находилась упавшая стела, обращенная вершиной внутрь оградки, на запад. Первоначально, вероятно, лицевой частью была обращена на восток. Высота стелы 78 см. Под ней выявлены три слоя камней, она опиралась на плиту, располо-

Рис. 1В. Ашутасты-2, кург. 3А. Выявленные при исследовании конструкции 1В-сур. Ашутасты – 2, 3А-оба. Құрылымды зерттеу кезінде табылғандар
Fig. 1В. Ashutasty-2, 3A-mound. The structures identified during the study

женную на «дне» конструкции. В южной оконечности кургана, снаружи западной торцевой двойной стенки этой ограды, на глубине -20 см, найдена небольшая кость в рыхлом состоянии.

Расстояние между началом северного и южного «усов» – 24,6 м; расстояние между окончаниями гряд – 110 м. Южный «ус», длиной 111 м, шириной 1,60–3,70 м, находится на расстоянии 11 м от кургана-спутника. Начало гряды фиксировалось на поверхности как уплощенный курган диаметром 2,50 м, с упавшим изваянием, высота которого 84 см. Изваяние отличается схематичностью. В результате исследования начала южной гряды выяснилось, что оно представляет собой конструкцию, образованную из крупных камней, установленных в два ряда. Это подквадратная в плане ограда, ориентированная углами по сторонам света. Углы ограды усилены. Зазоры между крупными камнями заполнены более мелкими. Внутренний ряд камней конструкции – средние и небольшие плиты, установленные на ребре – ограничивают и удерживают ограду (рис. 3; 5).

В целом, камни установлены и уложены таким образом, что соединение горизонтально и вертикально установленных камней образует замок: они запирают друг друга (рис. 10–12). Заполнение конструкции выглядит как многослойное перекрытие, выполненное из горизонтально уложенных камней, которые как бы «цепляются» друг за друга. У основания изваяния выявлена горизонтально лежащая плита, возможно, маркирующая место установки изваяния в западной части ограды.

Рис. 2. Ашутасты-2, кург. 3А. Юго-восточная околокурганная конструкция со стелой
2-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар оңтүстік-шығыс оба маңы құрылымы
Fig. 2. Ashutasty-2, 3A-mound. South-eastern near-mound structure with a stela

С южной стороны находился крупный блок внешней стенки ограды, по бокам - крупные камни, которые фиксировали изваяние. Изваяние обнаружено лежащим головой на СВ, поперек гряды, лицевой частью вверх. Возможно, изначально оно стояло у ЮЗ угла оградки, в южной ее половине, лицом на ЮЗ (?). В предполагаемом месте установки изваяния обнаружена кость животного на глубине -12 см (рис. 4). Внутреннее пространство ограды углублено на 0,30 м относительно погребенной поверхности. Размеры ее после расчистки завала составили: 2,50×2,60 м.

Окончание южной гряды оформлено в виде кургана диаметром 3,30 м, высотой 0,15 м (рис. 6). В основе ее - подпрямоугольная в плане конструкция (3,30×3,50 м), ориентированная сторонами по странам света, сложенная из камней в три слоя. В заполнении конструкции положение камней хаотичное. Целостность ее нарушена пахотой. В восточной половине кургана в средней части под камнями наброски выявлена ямка. В ней – кости МРС на глубине -0,13 м, -0,22 м и -0,30 м. На дне углубления находилась конструкция из пяти камней, компактно расположенных, среди них - брусковидный, который стоял наклонно на торце, плиты – на узкой грани (0,35×0,90 м) (рис. 7; 13).

Длина северной гряды составляет 167,5 м. Начало северного «уса» диаметром 2,6 м отстоит от кургана-спутника на 6,6 м. Северный «ус» оканчивается хорошо задернованным курганом диаметром 9×7,4 м (С–Ю), высотой 0,2-0,4 м, сложенным из камней крупных и средних разме-

Рис. 3. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды
3-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы
Fig. 3. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge

ров. Ширина гряды – 2,40-3,30 м. Северная гряда, высотой около 0,10 м, фиксируется в виде сильно задернованной каменной дуги с отдельными выступающими камнями. Местами фиксируются участки большей высоты, состоящие из задернованных мелких камней, по краям которых отмечены крупные камни-ограничители; компактные выкладки из камней крупного и среднего размеров, в т. ч. в виде плотно уложенных средних по размеру камней в форме квадрата с заполнением из более мелких камней размерами 2,50×2,30 м. Восточное окончание северного «уса» распаханно.

На расстоянии 90 м от начала северной гряды среди камней была выявлена антропоморфная стела. Она лежала предполагаемой «головой» на СЗ. Вероятно, используя форму камня – естественный выступ, мастер схематично обозначил голову, лицо – углы бруска скруглены, шея выделена сбитыми и заглаженными выемками на гранях-углах, основание оформлено в виде остроугольного выступа. Высота стелы - 95 см. Ширина «уса» на этом участке составляла 1,90 м. Камни – колотые плиты – были довольно плотно уложены в два слоя. В процессе исследования среди камней, у восточного края гряды, на уровне материка, было выявлено свободное от камней пространство глубиной 0,34 м, по форме соответствующее основанию стелы. Вероятнее всего, антропоморфная стела устанавливалась лицевой частью, обращенной на север или юг. Предположительно определено первоначальное место установки стелы, обнаруженной в упавшем положении за пределами

Рис. 4. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Стрелкой указано предполагаемое место установки изваяния 4-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Көрсеткішпен тас мүсіннің қойылуы мүмкін жер көрсетілген
Fig. 4. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. The arrow indicates the intended location of the statue

гряды. Вероятно, стела была установлена приостренным концом вниз у восточного края гряды, на уровне материка, зажатая камнями: свободное от камней пространство, точно совпадающее по размерам с основанием стелы, позволило определить эту точку (рис. 8; 14).

Кости, выявленные в кургане-спутнике и южной гряде, принадлежат МРС, из южной гряды - возрастом от года до полутора лет, без искусственных следов повреждения костей или обжига, в основном – фрагменты конечностей. Сделано предположение, что животное было использовано в сакральных целях [Гимранов 2017]. Именно эти фрагменты костей были отобраны для определения возраста сооружения.

3 Результаты (Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.)

Анализ проводился в ХРОНОЦентре Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания. Оператор – С.В. Святко (табл. 1). Образцы представляют собой фрагменты костей, извлеченные из следующих пунктов: 1) в выкладке, маркирующей начало южного «уса»; 2) в выкладке, маркирующей окончание южного «уса»; 3) у основания конструкции (ограда с юго-

Рис. 5. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Фрагмент конструкции 5-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Құрылымның фрагменті
Fig. 5. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Construction fragment

Рис. 6. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды 6-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы
Fig. 6. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge

Рис. 7. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды. Камни, среди которых были выявлены кости животных
7-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы. Арасынан жануар сүйектері табылған тастар
Fig. 7. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge. Stones, among which animal bones were found

восточной части кургана-спутника). Полученные даты находятся в диапазоне от позднегуннского-раннетюркского периода до времени казахской культуры: 1-я пол. V – начало VII в. н.э.; конец VIII – конец X в. н.э.; конец XV – 1-я пол. XVII в. (Казахское ханство).

Таблица 1 – Калиброванные даты по кургану 3а могильника Ашутасты-2
1-кесте – Ашутасты-2 қорымының 3А обасы бойынша калибрленген мерзімдер
Table 1 – Calibrated dates for the kurgan 3a of Ashutasty-2 burial ground

Лабораторный шифр	Место сбора образца	Материал	14С ВР	Калиброванная дата (1σ, 68,2%)	Калиброванная дата (2σ, 94,5%)
UBA-39753	начало южной гряды	кость	1515±25	Cal AD 538–595	Cal AD 430–611
UBA-39754	окончание южной гряды	кость	345±25	Cal AD 1488–1631	Cal AD 1467–1636
UBA-39755	конструкция, исследованная на кург. 3а	кость	1139±37	Cal AD 780–974	Cal AD 776–983

Рис. 8. Ашутасты-2, кург. 3А. Фрагмент северной гряды со стелой
8-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар солтүстік тізбектің фрагменті
Fig. 8. Ashutasty-2, 3A-mound. Fragment of the northern ridge with a stela

Таким образом, из кургана № 3 мог. Ашутасты-2 происходит одно изваяние из начала южной гряды, одна антропоморфная стела из северной гряды и еще две небольшие стелы, выявленные с внешних сторон кургана-спутника лежащими. Изваяние в начале южной гряды находилось у юго-западного угла оградки, в южной половине конструкции, вероятно, лицом изначально было обращено на ЮЗ. Под ним находились фрагменты костей, взятые для определения даты.

В сооружении – окончании южной гряды - кости выявлены в восточной половине кургана в средней части, в ямке. В северной гряде стела находилась изначально, вероятно, у восточного края гряды, возможно, лицевой частью обращенная на север или юг. Кость, выявленная снаружи у оградки, расположенной в юго-восточной поле кургана-спутника, за крепидой, – зафиксирована у западной стенки оградки. Стела стояла, очевидно, изначально с восточной стороны внутри конструкции была обращена на восток.

В двух случаях в комплексе Ашутасты-2 стела стояла у восточной границы конструкции, изваяние – в юго-западной части, кости выявлены в восточной, юго-западной и западной частях. В целом, нельзя быть уверенным в том, что кость, выявленная у юго-восточной части оградки кургана-спутника, оставлена во время сооружения этого объекта, т. е. синхронна ему. Также кость, обнаруженная под изваянием в начале южной гряды, видимо, была оставлена специально в период более поздний, чем Тасмола; изваяние было переиспользовано или установлено повторно и не вполне ясно, являются ли в таком случае начало южной гряды и изваяние синхронными.

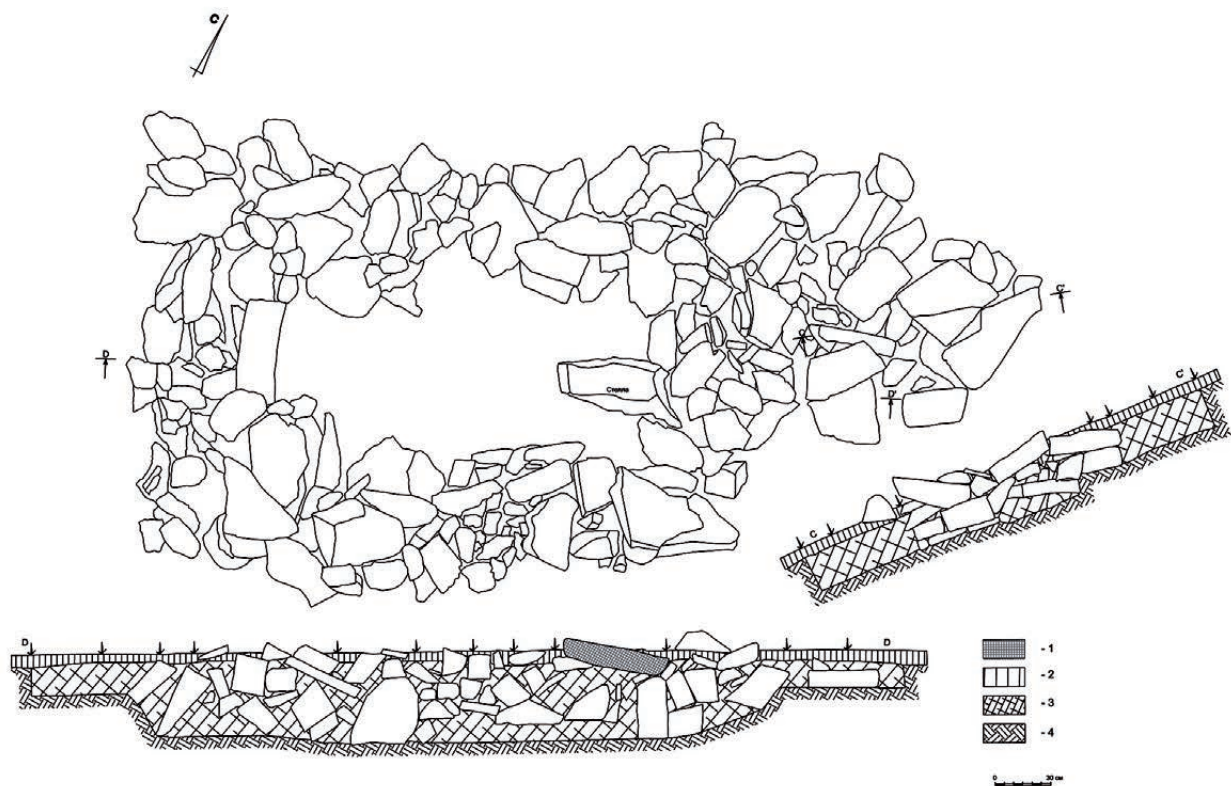

Рис. 9. Ашутасты-2, кург. 3А. Околокурганые конструкции в юго-восточной части кургана. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – стела; 2 – дерн; 3 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 4 – материк
9-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Обаның оңтүстік-шығыс бөлігіндегі оба маңындағы құрылым. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – стела; 2 – шым; 3 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 4 – материк
Fig. 9. Ashutasty-2, 3A-mound. Near-mound structures in the southeastern part of the mound. Plan and section.
Symbols: 1 – stela; 2 – turf; 3 – dense dark brown soil; 4 – mainland

Более-менее уверенно можно говорить об одновременности сооружения и костных останков в окончании южной гряды, но также подзахоронить их могли в ходе какого-то ритуала уже позже возведения конструкции.

4 Обсуждение (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Курганы с каменными грядами Сарыарки

На территории Центрального Казахстана известны случаи нахождения каменных изваяний в комплексах кургана с «усами»: Косагалы, Атасу, Жиланды/Жыланды. Изваяния зафиксированы в различном положении – лежащим возле выкладки с каменной грядой; рядом с курганом с «усами»; на насыпи большого кургана комплекса с «усами». Исследователями допускается, что нахождение таких изваяний возле курганов с каменными грядами – «усами» может быть свидетельством их синхронности [Ермоленко и др. 2015]. Всего в регионе известно не менее девяти случаев нахождения изваяний в комплексе курганов с каменными грядами.

По памятникам тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н.э.) А.З. Бейсенов называет число – 27 каменных изваяний и стел [Бейсенов 2021б: 36]. Например, изваяние с правого берега р. Темир;

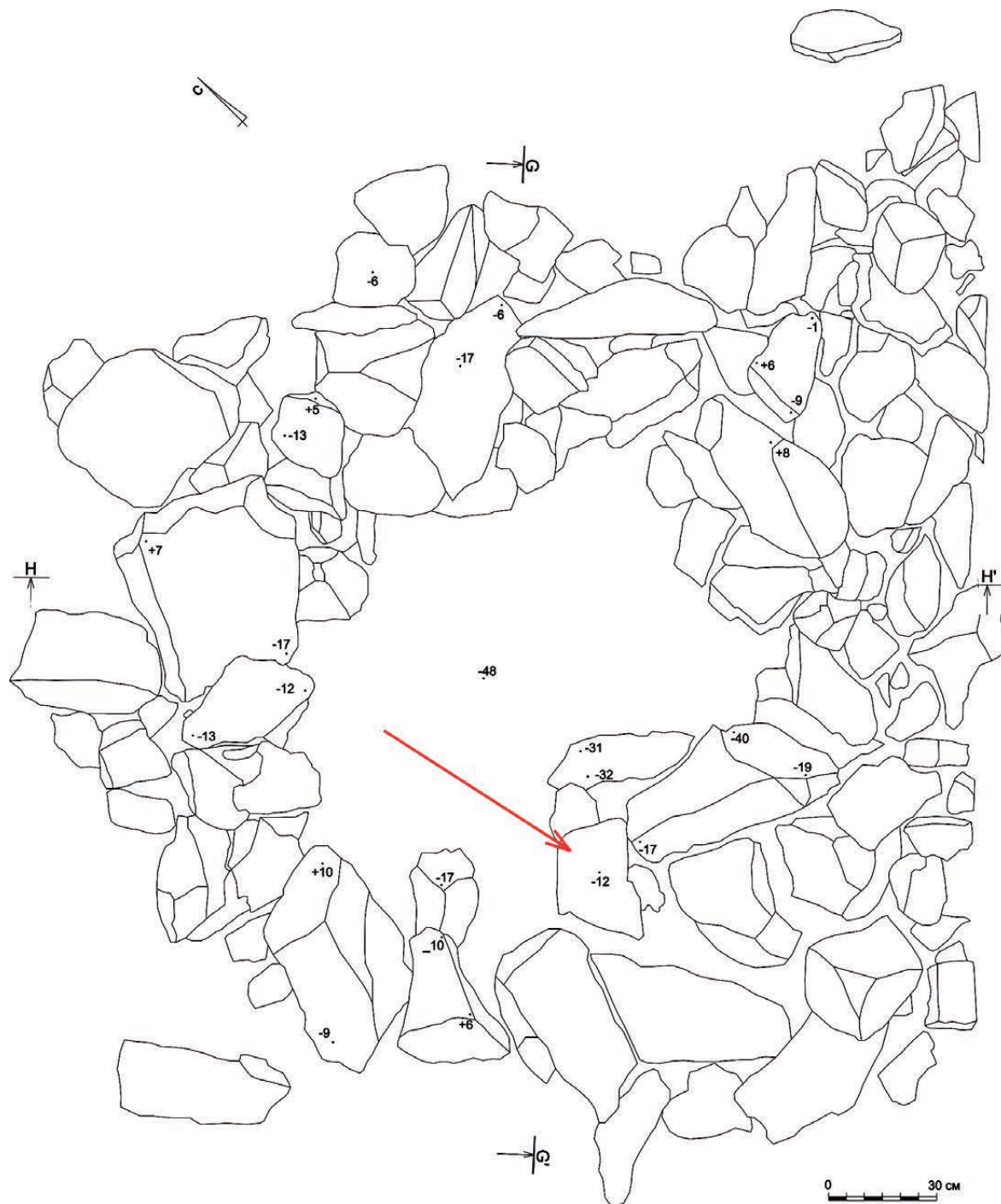

Рис. 10. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием.
План 2. Стрелкой указано предполагаемое место установки изваяния
10-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Тас мүсіні бар құрылым. Жоспар 2. Көрсеткішпен тас мүсіннің қойылуы мүмкін жер көрсетілген

Fig. 10. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge.
Construction with a statue. Plan 2. The arrow indicates the intended location of the sculpture

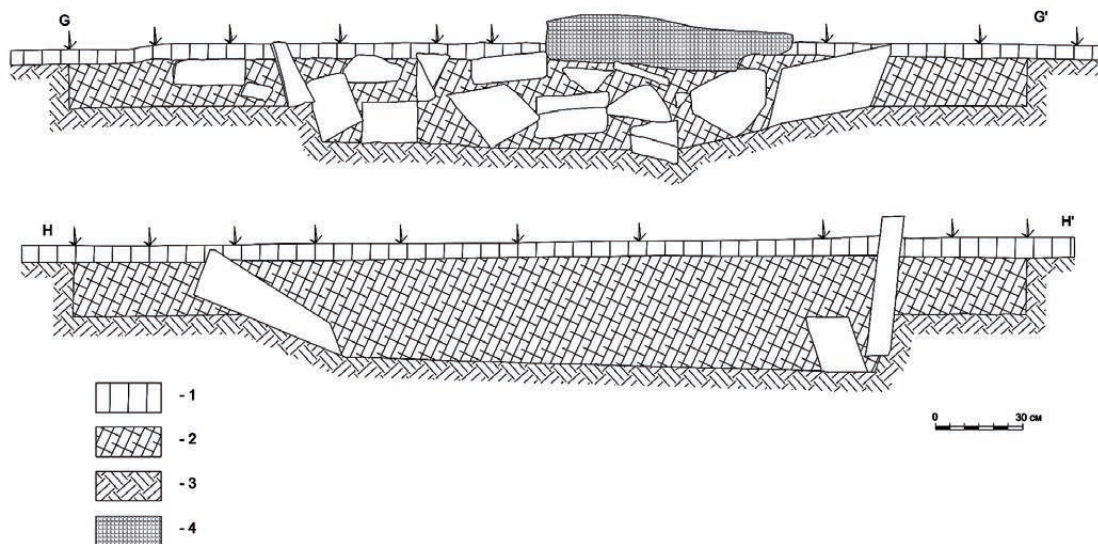

Рис. 11. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. Разрезы. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стела

11-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Тас мүсіні бар құрылым. Қималар. Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк; 4 – стела

Fig. 11. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Construction with a statue. Sections. Symbols: 1 – turf; 2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – stela

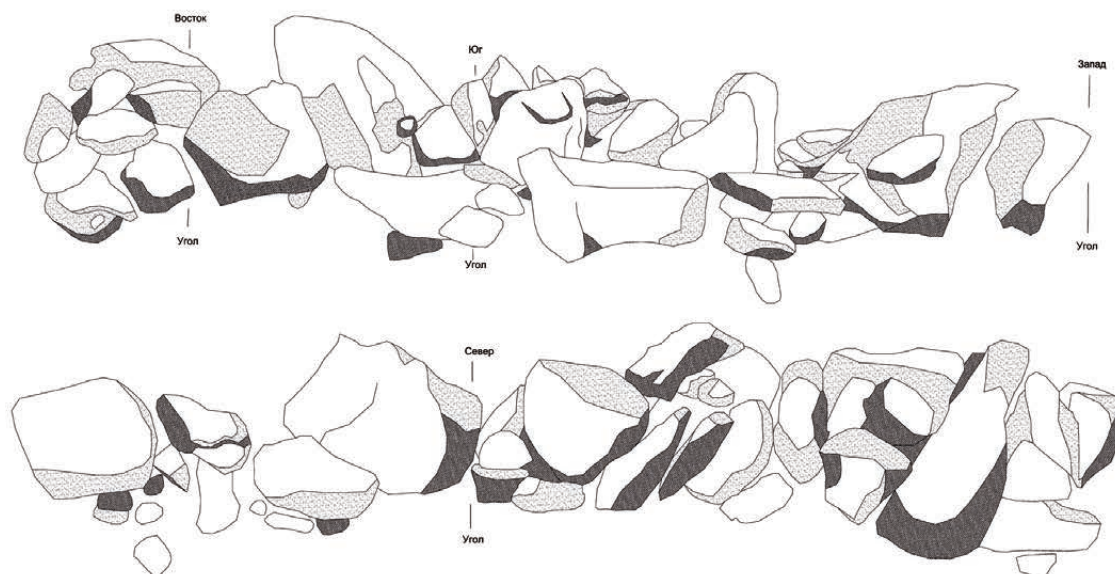

Рис. 12. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Фасады стенок конструкции 12-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Құрылым қабырғасының қасбеті

Fig. 12. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Facades of the walls of the structure

из с. Каракенгир, антропоморфная стела из урочища Жанатурмыс; из мог. Байдалы (лежащее возле кургана); кург. 7 мог. Талды-2; кург. 2 мог. Бегазы; кург. 2 мог. Кособа; в местности Косагалы обломок верхней части изваяния найден лежащим возле выкладки, от которой отходит одна из гряд кургана с «усами»; изваяние с р. Атасу найдено возле кургана с «усами» № 2 (тип 1 – здесь и далее типология дана по: [Бейсенов 2017]) в северо-западной части могильника Атасу. Стела из мог. Каратобе, компл. № 6 (находилась в концевом сооружении южной гряды (тип 2а) [Айткали и др. 2019]. Специалисты отмечают, что условия нахождения изваяний и стел различны. В тех случаях, когда они зафиксированы при сооружениях, точно неизвестно – первична или вторична эта установка. Так, относительно стелы из Жанатурмыса, найденной недалеко от кургана раннего железного века, высказано предположение, что она была переустановлена на поздней казахской могиле [Ермоленко и др. 2015: 31]. Изваяние из кургана Жиланды (тип 1) найдено на насыпи кургана с «усами», лежало лицевой частью вверх в 7 м к юго-востоку от центра кургана [Бейсенов, Ермоленко 2014: 34, 39; Бейсенов и др. 2018]. Для памятника Атасу-2 – комплекс датируется в рамках сер. – 2-й пол. V в., в то время как каменное изваяние – сакским периодом.

К случаю нахождения на территории курганов с «усами» каменных изваяний относится комплекс Аксу. Могильник Аумаган (Карагандинская обл.) включает курган с «усами», тип 2, на котором было устроено казахское кладбище. Изваяние обнаружено на краю кладбища, у мазара, по иконографическим признакам датируется VII–V вв. до н.э. Очевидно, было перенесено туда [Бейсенов 2017: 36; Бейсенов 2021б: 35, 37].

Комплекс из трех «культурных камней» Аксай-1 (Карагандинская обл.) включает антропоморфное изваяние, оленный камень общевразийского типа и монолит, на поверхности которого изображений не выявлено. При его анализе выдвинуто предположение о случайном характере их совместной установки. Это изваяние сопоставляется с антропоморфным изваянием из мог. Аксай в комплексе сооружений кургана с «усами» (возле южной гряды раскопанного кургана с «усами»). Для нас важно предположение о том, что антропоморфное изваяние и оленный камень из группы стел Аксай-1 изначально могли быть не связаны общим культурным контекстом, но предполагается принадлежность к одной изобразительной традиции [Ермоленко и др. 2021: 14–15, 17].

Очень интересный случай одновременного использования статуарных памятников при проведении поминальных (?) ритуалов, а, возможно, и иных, помимо установки стел, действий – сооружения или достраивания комплексов с каменными грядами – зафиксирован на памятнике Унирек II (тип 1) в Карагандинской области [Курманкулов и др. 2018]. В средней части южной гряды кургана с «усами» зафиксирован оленный камень, к северо-востоку и юго-западу от него лежали каменные стелы. Еще одна стела выявлена в восточной поле под камнями кургана. В северо-восточном секторе кургана под камнями обнаружены железные котел (разрушенный еще в древности), наконечники стрел, поясная пряжка и колчаный крюк. В этом же секторе на уровне материкового грунта находилась донная часть лепного керамического сосуда. Металлические изделия датируются авторами публикации I–III вв. н.э.

Также нужно упомянуть комплекс Карагайлы 2-3: курган с «усами» на территории Государственного национального природного парка «Буйратау» (Центральный Казахстан). На восточных окончаниях комплекса (тип 1) обнаружены антропоморфные стелы, еще одна – «ранее была установлена в нескольких метрах к востоку от кургана и занимала центральное положение по отношению ко всей конструкции» [Досымбаева 2014: 28; рис. 4]. При раскопках кургана № 1 могильника Кызылжаргас (Карагандинская обл.) выявлено три каменных изваяния под земляной насыпью кургана и одно – в дромосе (VII–V вв. до н.э.) [Бейсенов 2021].

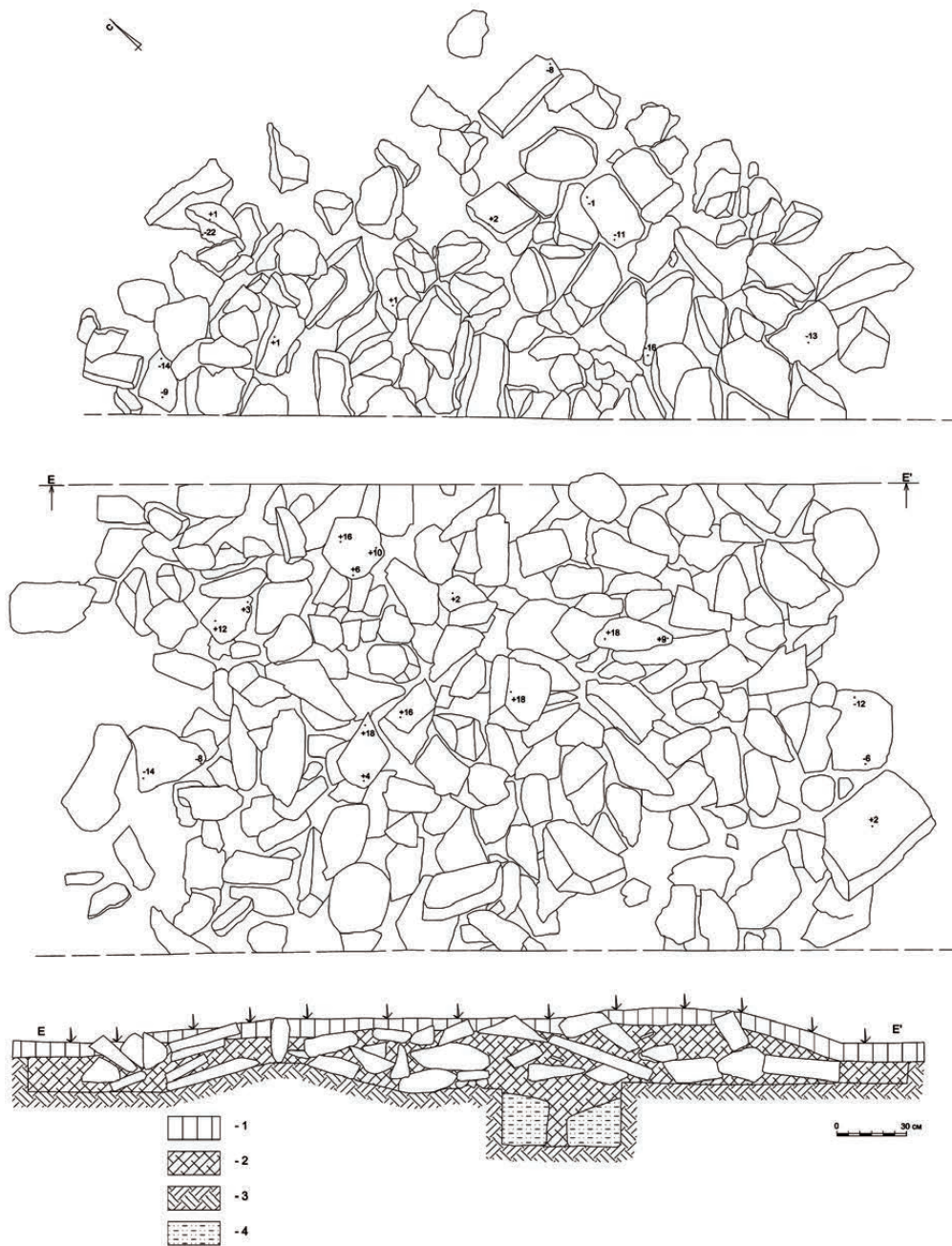

Рис. 13. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды. Конструкция. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк;
4 – плиты, выявленные на завершающем этапе изучения конструкции

13-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы. Құрылым. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк;
4 – құрылымды зерттеудің соңғы кезеңінде табылған плиталар

Fig. 13. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge. Construction. Plan and section. Symbols: 1 – turf;
2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – plates identified at the final stage of the study of the structure

Есть ли закономерность в установке стел и изваяний у курганов тасмолинской культуры? Пока можно сказать, что на таких памятниках, как Косагалы, Аксай, Койшоқы-5 (к. 1), Карагайлы 2–3, Ашутасты-2, Унирек II, мог. Каратобе, компл. № 6 – изваяния связаны с грядами; Атасу, Жиланды – с ритуальной насыпью (тип 1). Известны случаи, когда стела была переустановлена на поздней казахской могиле (Жанатурмыс), изваяние из мог. Аумаган обнаружено на краю кладбища, у мазара. В таких объектах, как Темир (обращено лицевой стороной на ЮЮВ), кург. № 1 мог. Кызылжартас, Кособа, Талды-2 (лицевой частью обращено на ЮВ), Койшоқы-5 (обращен на восток), Жиланды,

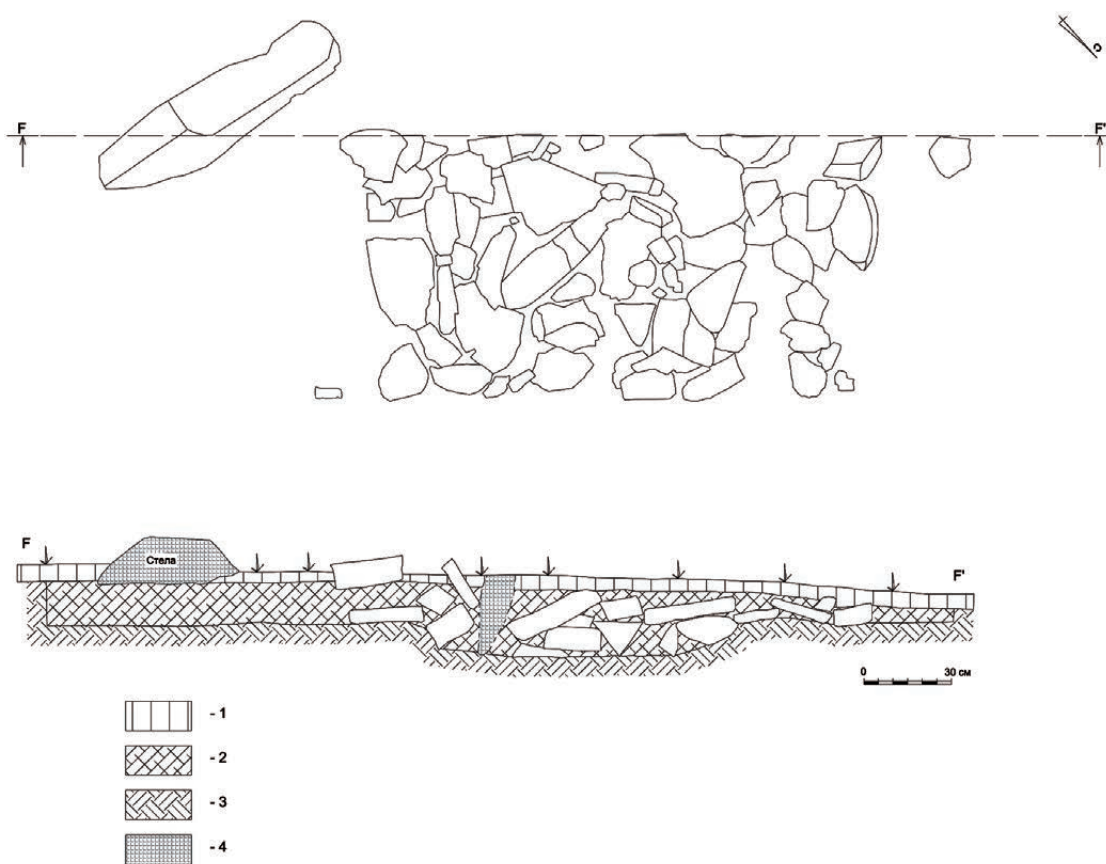

Рис. 14. Ашутасты-2, кург. 3А. Фрагмент северной гряды со стелой. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стела
14-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар солтүстік тізбектің фрагменті. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк; 4 – стела
Fig. 14. Ashutasty-2, 3A-mound. Fragment of the northern ridge with stela. Plan and section.
Symbols: 1 – turf; 2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – stela

Ашутасты-2, Унирек II (обращен на восток³) – связаны с ЮВ, В, СВ сектором (место нахождения статуарных памятников, стел, направление их лицевой стороны). Но уже тот факт, что в Койшоқы-5 (кург. 1) кости из ямы под стелой показали VIII–V вв. до н.э., а в Ашутасты-2 – V–VII вв. н.э. свидетельствует о том, что вопрос связи стел/изваяний и каменных гряд нельзя решить однозначно. Но можно отметить, что в описываемых памятниках отражено акцентирование направления восхода солнца разными способами.

Примеры переустановки изваяний в комплексах кургана с «усами» в Центральном Казахстане известны, например, кург. № 1 мог. Койшоқы-5 с оленным камнем у северной гряды (основной курган – 921–810 гг. до н.э.; из ямы для установки менгира в северной гряде – 772–431 гг. до н.э.; под камнями северной гряды – 1003–843 гг. до н.э. и 837–781 гг. до н.э.), в этом случае стела могла быть установлена позже, чем выложена гряда; антропоморфное изваяние и курган с «усами» в мог. Аксай; предполагается случайный характер совместной установки объектов комплекса Аксай-1 (антропоморфное изваяние, олений камень и монолит) [Бейсенов 2020: 126; Ермоленко и др. 2021: 18–19, 21].

Очевидно, что олений камень и железные предметы I–III вв. н.э. в Унирек II не могут быть изначально синхронны и статуарные памятники (как минимум, олений камень) были переустановлены. Остается неясным вопрос о дате сооружения как всего комплекса с каменными грядами, так и «ритуальной насыпи», не исключается проведение каких-то ритуальных действий в гуннский период на кургане тасмолинской культуры. К этому же выводу пришли и авторы публикации [Курманкулов и др. 2018].

Интересно, что один из аргументов переустановки изваяния в мог. Аксай – ориентация граней стоящего в вертикальном положении изваяния предполагается лицевой стороной на ЮЗ, тогда как гряды кургана направлены на восток; такая же ситуация реконструируется для Ашутасты-2. В дискуссии о времени сооружения курганов с «усами» и периоде функционирования комплексов добавляются сомнения такие факты, как результаты исследования и датирования памятника Кырыкунгир (тип 1): два костных образца, взятые в одном и том же месте, дали датировку тасмолинского и гуннского периодов [Бейсенов 2020: 139]. Это обстоятельство также позволяет предположить, что объект достраивали, проводили ритуалы в течение длительного времени, «использовали» насыпь повторно.

При исследовании каменных изваяний тасмолинской культуры, в т. ч. курганов с «усами», установлено, что для них характерен вид антропоморфных изваяний со специфическим атрибутом – полусферическим («шишкообразным») выступом на макушке [Бейсенов, Ермоленко 2014: 34]. Иконография показывает элементы их сходства со скифской скульптурой VII–VI и VI–V вв. до н.э. [Ермоленко и др. 2016: 132–133].

А.З. Бейсенов дает определение кургана с «усами»: «ритуальная насыпь» – небольшое сооружение без человеческого захоронения, на восток от которого направлены каменные гряды. Для типа 2, когда с запада от кургана находится тасмолинский курган, погребальное сооружение – «основной курган», с восточной стороны располагается «курган-спутник» с каменными грядами – «ритуальная насыпь» [Бейсенов 2020: 122]. А.З. Бейсенов также изложил историю изучения комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана, выполнил систематизацию и выделил варианты расположения костей животных под «ритуальной насыпью» [Бейсенов 2020: 125; 2017].

³ Выражаем благодарность авторам публикации за устное уточнение информации [Курманкулов и др. 2018].

Он предположил, что кости животных и глиняная посуда в комплексах свидетельствуют о проведении ритуала. Под «ритуальной насыпью» находится «сакральная» площадка. В комплексах типа 2 западные насыпи всегда являются погребальным сооружением. По современным сведениям, в регионе известно более 400 памятников этого типа. Основная часть курганов с каменными грядами находится на территории Сарыарки, более чем 250 – в Карагандинской области [Бейсенов 2015: 523–524].

Для кургана-спутника известны даты, относящиеся, в основном, к гуннскому времени; в случае 1-го типа – к гуннскому, а также к тасмолинской культуре и концу XVII – 1-й пол. XX в. Даты, полученные из материала каменных гряд, их окончаний или начала, находятся в диапазоне от гуннского периода до казахов (табл. 2). В ряде случаев кости животных, найденные под «ритуальными насыпями», датированы гуннским периодом с нижней датой в рамках 1-й трети II – 3-й трети III в. н.э., а верхняя дата – 1-я треть IV – 1-я треть VI в. н.э. [Бейсенов 2020: 131].

Так, по костным образцам из западного и восточного сооружений комплекса с «усами» Жамантас (тип 2) получены две радиоуглеродные даты: курган с человеческим погребением относится к тасмолинской культуре (VIII–V вв. до н.э.), кости под восточным сооружением – к гуннскому периоду, III – 1-я треть VI в. н.э. Аналогичную картину показал курган с «усами» № 2 могильника Тандайлы-2 (тип 2): тасмолинская дата для погребения человека в западном сооружении и гуннское время для «спутника», пристроенного с восточной стороны (II–IV вв. н.э.). Курган с «усами» Кырыкунгир (тип 1) дал радиоуглеродную дату тасмолинского времени, VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов 2017: 33-35; Бейсенов и др. 2017б].

Кости из Кабакши, курган № 11 (тип 1) относятся к позднегуннскому периоду (под «ритуальной насыпью» – 429–610 гг.); курган № 12 (тип 2б) – к 344–535 гг. (под северным спутником) и 778–985 гг. (под концевым сооружением северного «уса») [Бейсенов 2020: 129]. Курганы с «усами» Койтас (тип 1) и Бесоба (тип 2) по костям из восточного сооружения показали 2-ю пол. III – 1-ю четв. V в. н.э.; «Курган 37 воинов», № 11 (тип 2) – VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов 2017: 34].

Кызылшилик, курган № 2 (тип 2): образцы костей из основного кургана и возле крепицы западной насыпи на уровне материка показали даты в рамках тасмолинского времени; кости лошади под насыпью северного кургана-спутника № 2б показали дату в рамках казахского периода: конец XVII – начало XX в. Кызылшилик, курган № 6 (тип 1), образец из кости мелкого рогатого скота, из слоя насыпи – казахское время, конец XVII – 1-я пол. XX в.; образец, взятый из слоя концевого сооружения северной гряды, продатирован кыпчакским временем, сер. XI – начало XIII в.; кость, найденная под дерновым слоем у концевого сооружения южной гряды относится к тюркскому периоду (2-я пол. VII – 2-я пол. VIII в.). Курган с «усами» № 2 могильника Караоба (тип 2), кость под камнями концевого сооружения северного «уса» показал дату: 2-я пол. XVII – 1-я пол. XX в., наиболее вероятная – XVIII в. [Бейсенов 2020: 128–129].

Один из недавно изученных памятников - курган № 1, курганная группа 2 могильника Саба (г. Аркалык, Костанайская обл.), тип 3а. По образцу из северо-восточной гряды объект продатирован 250–410 гг. н.э. (центральная часть под каменной насыпью кургана-спутника 1б), погребальный обряд и инвентарь основного кургана показал дату VII–VI вв. до н.э. Предполагается, что курганы-спутники с каменными грядами могильника Саба и ритуальные комплексы Торгая сооружены одновременно (III–V вв. н.э.) и взаимосвязаны в функциональном плане - в пространстве между грядами могли совершать сезонные обряды, «связанные с культом Огня» [Онгарулы и др. 2020: 242–244]. Комплекс авторами определяется как тип 3а; по некоторым признакам сближается с типом 2б.

Таблица 2 – Датировка курганов с «усами» Сарыарки
2-кесте – Сарыарқаның «мұртты» обаларының мерзіделуі
Table 2 – Dating of mounds with «moustaches» of Saryarka

Название памятника	Тип (по Бейсенову А.З.)	Место отбора материала на С14	Датировка
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости МРС	Cal AD 776–983
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Начало южной гряды, кости МРС	Cal AD 430–611
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Окончание южной гряды, кости МРС	Cal AD 1467–1636
Кург. Агасу-2	1	Предметный комплекс из двух ям	середина – 2-я пол. V в. по: [Бейсенов и др. 2018]
Кург. Бесоба-3	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости лошади на материке	Cal AD 261–279 (0.045) 326–425 (0.955); 2-я пол. III – 1-я четв. V в. н.э. по: [Бейсенов 2020; 2017]
Кург. Жамантас	2а	Основной курган, кости человека	Cal BC 768–475 (0,965) 464–452 (0,015) 445–431 (0,020); VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2017б]
Кург. Жамантас	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости животных (лошади?) в яме и зубы лошади на материке	Cal BC 263–276 (0,016) 329–431 (0,919) 491–530 (0,065); III – 1-я треть VI в. н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Основной курган, кости человека	921–810 гг. до н.э. X–VIII вв. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Яма под стелу, примыкающая к северной гряде, кости МРС	772–431 гг. до н.э. VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Под камнями северной гряды, кости МРС	1003–843 гг. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Под камнями северной гряды, кости МРС	837–781 гг. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Тандайлы 2, кург. № 2	2	Основной курган, кости человека	2468 ± 28 VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Тандайлы 2 кург. № 2	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости животных на материковом уровне (зубы и фрагменты от челюсти лошади)	Cal AD 130–266 (0.747) 270–332 (0.253); II–IV вв. н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]

Продолжение таблицы 2
2-кестенің жалғасы
Continuation of table 2

Кург. Жанайдар	1	Зубы лошади, детали конской узды раннесакского времени под насыпью	Сакская эпоха по: [Бейсенов 2017]
Кург. Кырыкунгир	1	Курган («ритуальная насыпь»), кости лошади под насыпью на материковом уровне	VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Кург. Койтас	1	Спутник («ритуальная насыпь»), кость лошади на материке	Cal BC 259–281 (0.075) 324–420 (0.925) 2-я пол. III – 1-я четв. V в. н.э. по: [Бейсенов 2017]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Основной курган, могильная яма, кости человека, образец 1	Cal BC 747–685 (0.161) 666–642 (0.047) 586–584 (0.001) 556–403 (0.791) по: [Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Основной курган, кости лошади возле крепиды на уровне материка, восточный сектор, образец 2	Cal BC 728–693 (0.058) 657–655 (0.003) 542–399 (0.939) по: [Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Северный курган-спутник, под насыпью, кости лошади, образец 3	Cal AD 1683–1734 (0.283) 1809–1929 (0.717) Конец XVII – начало XX в. по: [Бейсенов 2020; Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Курган («ритуальная насыпь»), верхний слой насыпи, кости МРС, образец 1	Cal AD 1670–1709 (0.167) 1717–1779 (0.282) 1799–1828 (0.124) 1831–1889 (0.255) 1910–1943 (0.172); конец XVII – 1-я пол. XX в. по: [Бейсенов 2020]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Под камнями концевого сооружения северной гряды, образец 2	Cal AD 1043–1103 (0.364) 1118–1216 (0.636); середина XI – начало XIII в. по: [Бейсенов 2020]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Под дерновым слоем в непосредственной близости от концевого сооружения южной гряды (у края концевого сооружения южного «уса»), кости МРС, образец 3	Cal AD 639–694 (0.962) 704–706 (0.001) 747–762 (0.037); 2-я пол. VII – 2-я пол. VIII в. по: [Бейсенов 2020]
Кабакши, кург. № 11	1	Под насыпью, мелкие кости животных	Cal AD 429–494 (0.273) 508–519 (0.019) 527–610 (0.707); по: [Бейсенов 2020]

Окончание таблицы 2
2-кестенің соңы
End of table 2

Кабакши, кург. № 12	2б	Под северным спутником на древнем горизонте, кости МРС, образец 1	Cal AD 344–474 (0.756) 485–535 (0.244) по: [Бейсенов 2020]
Кабакши, кург. № 12	2б	Под концевым сооружением северного «уса», кость МРС, образец 2	Cal AD 778–790 (0.030) 807–819 (0.018) 824–842 (0.028) 862–985 (0.924) по: [Бейсенов 2020]
Караоба, кург. № 2	2а	Под камнями концевого сооружения северного «уса», кости МРС	Cal AD 1658–1695 (0.198) 1726–1813 (0.587) 1838–1842 (0.006) 1852–1867 (0.018) 1918–1950 (0.192); 2-я пол. XVII – 1-я пол. XX в.; (XVIII в.) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кырыкунгир	1	Под насыпью, кости лошади	Датирован сакской эпохой на основании 14С анализа по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кырыкунгир	1	Под насыпью, кости лошади	Cal AD 384–539 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кабантау, образец № 2	3	Концевое сооружение северного «уса», кости МРС	Cal AD 420–558 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кабантау, образец № 3	3	Концевое сооружение южного «уса», кости МРС	Cal AD 423–566 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
37 воинов, Кург. № 11	2	Основной курган, кости человека	Cal BC 755—680 (0,277); 670—608 (0,171); 596—411 (0,552); VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2018]
Саба, кург. № 1	3а	Основной курган, предметный комплекс	VII–VI вв. до н.э. по: [Онгарулы и др. 2020]
Саба, кург. № 1	3а	Центральная часть под каменной насыпью кургана-«спутника» № 1б (СВ), угольки	250–410 гг. н. э. III–V вв. н.э. по: [Онгарулы и др. 2020]
Унирек II	1	Под камнями кургана («ритуальной насыпи») железные предметы	I–III вв. н.э. по: [Курманкулов и др. 2018]

Ситуация с курганом Ашутасты соответствует выводу, сделанному А.З. Бейсеновым, – часть жертвоприношений животных может быть очень поздними. В случае курганов с «усами» речь идет о ритуале жертвоприношения посвященного коня, символического подношения мелкого рогатого скота, этот древний обычай сохранялся до казахского времени [Бейсенов 2020: 130–131]. По последним данным, собранным А.З. Бейсеновым, в Центральном Казахстане известно более 400 «сол-

нечных» курганов. Автор считает, что эти сооружения связаны с поминальными ритуалами древних племен. Как прозорлив был М.К. Кадырбаев, предположивший, что курганы с каменными грядами Центрального Казахстана строились в течение длительного периода – с VII–VI вв. до н.э. до сер. I тыс. н.э. [Бейсенов 2017: 31, 33].

3. Самашев курганы с «усами» интерпретирует как культово-ритуальные или культово-поминальные объекты [Самашев 2021: 71]. В статье также проводится обзор имеющихся интерпретаций, основная часть этих памятников укладывается в «расширительные рамки так называемого периода великого переселения народов – II–IV – VII вв. н.э.». Отмечается, что в ряде случаев существуют временные разрывы в возведении кургана-доминанта и остальных элементов комплекса. Сооружение кургана с каменными грядами и проводимые в связи с этим ритуальные действия связываются с реализацией общей религиозно-мировоззренческой идеи [Самашев 2021: 72, 74].

В связи с обширным ареалом этого вида памятников дискуссия о датировке и назначении курганов с каменными грядами включает широкий круг исследователей. Южно-уральские археологи на основе радиоуглеродной хронологии курганов с «усами» Центрального Казахстана и Южного Зауралья пришли к заключению, что период строительства курганов с «усами» III/IV – сер. VII в. н.э. (95,4%). Памятники Южного Урала входят в интервал от последних десятилетий IV в. н.э. до 2-й пол. VII в. н.э., центрально-казахстанские охватывают период: начало II – 1-я четв. V в. н.э. По мнению исследователей, они являются ритуальными комплексами кочевников урало-казахстанских степей [Грудочко 2019: 21–24].

Обобщая сведения о памятниках и гипотезы об их этнокультурной принадлежности, И.В. Грудочко приводит две основные точки зрения: курганы с «усами» сопоставимы с памятниками тюркоязычных кочевников VI–VIII вв. («раннетюркская» точка зрения, С.Г. Боталов); большинство курганов с каменными грядами относится к V–VI вв., их появление связано с геополитическими событиями IV–V вв. («хионито-эфталитская», И.Э. Любчанский) [Грудочко 2017: 42–43; 148; 161]. В целом, резюмирует И.В. Грудочко, существует два взгляда на культурно-хронологическую принадлежность курганов с «усами»: раннекочевническая («тасмолинская концепция Кадырбаева-Бейсенова») и раннесредневековая [Грудочко 2020: 28–29].

Обобщая имеющуюся к настоящему времени информацию, можно говорить о более чем 500 курганах с «усами», всего есть информация о 610 комплексах из урало-казахстанских степей, Южного Казахстана и Семиречья, предложены варианты их типологии [Грудочко 2020: 39, 47–48; рис. 16]. Выделяя три типа комплексов кургана с «усами», исследователь отмечает, что для подтипов «b» и «c» (когда присутствует курган-доминант и курган(ы)-спутники, «курган более раннего времени и центральная(ные) насыпь») характерно, что курганы с «усами» сооружались в более позднее время, включая более ранний основной курган в комплексе [Грудочко 2020: 57–58].

В аспекте назначения курганов с «усами» отмечается традиция жертвоприношения животных, ритуальной тризны. Таким образом, функция кургана с «усами» - коллективные праздники, встречи между аилами во время весенне-летнего периода, поминальные акты, сопровождаемые коллективной постройкой кургана с «усами», который является одноразовым жертвенно-поминальным сооружением [Грудочко 2020: 90, 93, 126]]. Что же касается исходной территории происхождения курганов с «усами», то предполагается Джунгария [Грудочко 2020: 127].

Таким образом, исследователями отмечается значительный хронологический диапазон/разрыв в датах, который свидетельствует, возможно, о сооружении восточных «ритуальных» сооружений Сарыарки в комплексе кургана с «усами» в гуннский период либо о поклонении предкам, проведении ритуальных действий, жертвоприношений, в процессе которых кости животных под

восточным сооружением (курганом-спутником), грядами были оставлены в более поздние по отношению ко времени возведения курганов – гуннский, кыпчакский, казахский периоды.

В этом случае стоит упомянуть тезис А.З. Бейсенова: «По-видимому, любые находки костей животных в древних памятниках нельзя безоговорочно связывать с данными объектами, культурно-хронологическая принадлежность которых в той или иной степени бывает заранее известна или оговаривается исследователем в ходе процесса» [Бейсенов 2020: 130]. Речь идет о ритуале жертвоприношения посвященного коня, символического подношения животного [Бейсенов 2020: 130–131].

Вопросы сакрализации ландшафта Степи

При исследовании условий и механизма сакрализации ландшафта Северной Сарыарки выяснилось, что курганные мемориалы являются древними святилищами, почитались древним населением как святые места. В последующем они становились также местом захоронения и почитания. Сакрализация пространства связана с культом предков. «В этом заключается особенность менталитета степных народов» [Тлеугабдулов и др. 2020: 45; Хабдулина 2020: 69–70]. Можно предположить, что какие-то элементы картины мира населения Степи и связанная с ним погребальная обрядность сохранялись длительное время, что выразилось в сакрализации определенной местности.

Также как и в Северной Сарыарке, на территории Костанайской обл. (Северо-Западная Сарыарка), выделяются сакрализованные территории или участки, где сосредоточены почитаемые объекты нескольких эпох, конечно, мы не исключаем фактор особенностей ландшафта в этом процессе, в выборе мест для устройства святилищ. На возвышающихся в Степи курганах ранних кочевников устраивали кладбища казахи, на природных возвышенностях зафиксированы объекты средних веков и могилы более позднего времени. И в настоящее время местное население региона в большинстве с почитанием относится к таким местам.

Учитывая, что «сакральность культурного ландшафта <...> фиксируется посредством территориальных организаций, культовых памятников и культурной преемственностью» [Кошман, Дукомбайев 2020: 191], видимо, нужно сказать, что в Степи традиция сакрализации ландшафта на основе почитания могил предков (не только одного рода, а в более широкой трактовке этого понятия) уходит вглубь времен.

В свое время Д.В. Дубровский, проанализировав пространственные характеристики погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии, отметил, что мировые религии не оказали сильного влияния на общий пространственный код кочевой традиции. Локусы погребального обряда: юрта; пространство около юрты; дорога к погребению; место погребения; перекочевка от места смерти в течение года до аса; место проведения аса - являются важными этапами похоронной обрядности. Пространственный код имеет в ней определяющее значение [Дубровский 2007].

Могилы предков, курганы предшествующих эпох в жизни человека Степи и гор, в его движении по пространству Степи занимали особое положение. Так, один из вариантов расположения курганов древнетюркского времени Алтая предполагает, что они пристраивались к цепочке объектов скифского времени, преимущественно с восточной стороны [Дашковский, Серегин 2009: 38]. Существует предположение, что тюрки верили: их предки защищают жизнь и здоровье потомков, не покидают своих сородичей [Сейдаметов, Кадыров 2016: 15–16].

Это особое отношение к предкам, их могилам существовало у населения Степи на протяжении столетий, сохранялось в памяти поколений, о чем свидетельствует традиция установки кыпчакских изваяний, которые воплощали, вероятно, образы предков. Кыпчаки, устанавливая каменные статуи в комплексах культовых сооружений, святилищ в честь умерших предков, считали, что они оказывали поддержку потомкам, способствовали плодородию [Ермоленко 1994: 158, 163].

Существенным фактором является то, что саяно-алтайские тюрки, считая, что умершие (предки) не исчезают совсем, почитали «всех предшествовавших им на этой земле людей», уважали памятники старины в общем, не зависимо от того, кто их оставил. Исходя из этих представлений, тюрки старались «подхоронить» своих умерших в уже существующие, старые могилы, случалось, что древнее погребение становилось точкой отсчета, местом возведения, обоснования более позднего кладбища [Сагалаев, Октябрьская 1990: 30–32]. Вероятно, на протяжении тысячелетий сохранился, в целом, общий мировоззренческий пласт народов Саяно-Алтая, культурно-мировоззренческие ценности, как и традиционная обрядность [Тадышева 2017: 103].

Возможно, эти традиции почитания предков берут начало в эпоху ранних кочевников. Исследователями подмечено, что погребальный обряд тувинцев уходит корнями еще в доскифскую эпоху. Черты, перекликающиеся с погребальными традициями гуннов и тюрков, выявлены в языческой похоронной церемонии тувинцев. Причиной этого называется, например, консервативность кочевого образа жизни, благодаря чему какие-то древние погребальные традиции не утратились в Степи, в частности у тувинцев и их соседей. Возможно, почтительное отношение казахов к могилам, как и у других тюркоязычных народов, уходит корнями в I тыс. до н.э. [Бубенок 2021: 142; Искаков и др. 2022: 159, 161]. В этом аспекте слова из ответа царя скифов Иданфирса Дарию, часто упоминаемые в работах скифологов, приобретают особый смысл: «<...> Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами» [Геродот IV: 127].

Также и у других тюркоязычных народов фиксируются сходные или единые в основе представления: киргизы считали, что духи предков покровительствуют оставшимся в живых родственникам, в случае совершения недостойного их памяти поступка духи предков могут отступить от человека. Этим обусловлено особое уважение к могилам предков [Абрамзон 1990: 335].

Казахи унаследовали особое отношение к могилам предков; курганы предшествующих веков, в т. ч. курганы с «усами», сыграли свою роль в сакрализации территорий. Судя по полученным датировкам, комплексы с каменными грядами посещали в гуннский, раннетюркский, кыпчакский, казахский периоды, внося свою лепту в моделирование сакрального пространства, создание и генезис мемориалов.

Исследователи отмечают, что казахи с почтением относились к могилам, почитали умерших предков (здесь каялись, приносили присягу, ночевали застигнутые в пути). В трудных ситуациях казахи обращаются к духам предков – аруахам/аруақ как заступникам всех живых перед Богом – с мольбой, посвящая им жертвоприношение, с надеждой на благословение и поддержку. В Степи до сих пор сохранилось много святых мест, мазаров [Раздыкова 2010: 32–33; Стасевич 2013: 281–282].

До настоящего времени почитание умерших предков у казахов занимает особое место в культуре. Предки человека, покинув этот мир, остаются в сознании живых людей, с ними сверяют дела и поступки, отдаваясь судьбе, воле божества и аруахов. С традицией поклонения могилам известных личностей связан обряд «зиярат жасау»: благодатная сила умершего человека «қасиет» передается оставшимся в живых [Кулумжанов и др. 2018: 161–165]. «Аруақ риза болмай, тірі байымайды»; «Өлі риза болмай, тірі байымайды» – «Пока духи предков не удовлетворены, живые потомки не будут в благоденствии» – отношение к предкам отразилось в этих словах.

Ислам наложил свой отпечаток – проезжая мимо мусульманского кладбища, путник останавливался и произносил молитву. И сегодня, следуя мимо захоронений, путник высказывает поклоне-

ние предкам, проводя ладонями по лицу и произнося слова молитвы – «Ата бабаның аруағы қолдап қоршап жүрсін, әумин»; «Ата баба аруағы желеп жебеп жүрсін» (Обращение к духам предков с просьбой о покровительстве, поддержке). Пожилые люди в отношении этой памяти о предшествующих поколениях, о совести, о благих деяниях говорят: «Қиямет жақын» – «Судный день близок». Выстраивая пространственный код культуры, находясь в круговом движении по пространству Степи, кочевник включал в него своих предков, которые тоже олицетворяли собой это Колесо Жизни [Каракузова, Хасанов 1993: 17–18].

Таким образом, разновременность элементов комплексов курганов с «усами» ставит вопрос об исторической памяти в Степи, преемственности некоторых мировоззренческих ценностей поколений.

4 Заключение (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Полученные даты дополняют имеющуюся информацию по курганам с «усами». Они позволяют посмотреть на курганы раннего железного века несколько иначе. Видимо, на протяжении длительного времени «солнечные» курганы продолжали ассоциироваться с древними святилищами, как в гуннский период, в эпоху раннего средневековья, так и в Казахское время.

Данные С14 анализа из Ашутасты-2 не дают однозначного ответа или права предположить, что «ритуальная насыпь» была сооружена именно в гуннский период или в эпоху средневековья (об этом свидетельствует место находки кости – в юго-восточной части полы кургана у стенки ритуальной (?) ограды), хотя нельзя этого исключить.

Датировка костей под камнями окончания южной гряды не исключает того, что курган-спутник с грядами входил в ритуальный комплекс на протяжении веков. Каменное изваяние (раннего железного века) из Ашутасты-2, зафиксированное в начале южной гряды комплекса с костями под ним, позволяет предположить, что «усы» могли быть выложены в V – начале VII в. и более раннее изваяние было переиспользовано либо памятник был сооружен в период Тасмолы и являлся частью сакрального ландшафта в более поздние периоды истории.

Случаи находок керамического сосуда под «ритуальной насыпью», костей животных времени Тасмолы и большой временной диапазон в датировке элементов комплексов курганов с каменными грядами делает вполне вероятным предположение о том, что «ритуальные насыпи» (и гряды) могли сооружаться в раннесакский период, а позже, в процессе проведения ритуалов, активно использоваться, в т. ч. с переиспользованием оленных камней и изваяний. В целом, каменные изваяния и стелы играли важную роль в процессе сакрализации ландшафта, создании мемориалов, независимо от времени изготовления статуарных памятников.

Исследование «солнечных» курганов – направление актуальное и перспективное для решения ряда вопросов археологии урало-казахстанских степей. Необходимо комплексное исследование подобных памятников с применением как классических методов, так и с применением достижений естественных наук. Накопление сведений в дальнейшем может послужить основой для более развернутых работ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- 2 *Айткали А.К., Жунисханов А.С., Думани Дутью П., Исин А.И., Рахманкулов Е., Курмангалиев А.К.* Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар.

- археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 208–222.
- 3 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2(19). С. 117–120.
- 4 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С., Байдалы Р.Ж. Исследование памятников древности в округе села Ашутасты (Западная Сарыарка) // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 275–327.
- 5 Бейсенов А.З. Изучение памятников I тыс. до н.э. Центрального Казахстана // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Отв. ред. К.М. Байпаков Алматы, 2015. С. 521–533.
- 6 Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 31–37.
- 7 Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2(27). С. 386–396.
- 8 Бейсенов А.З. Находки костей животных в курганах с «усами» Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 122–134.
- 9 Бейсенов А.З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартаc // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. статей, посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 261–277.
- 10 Бейсенов А.З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан // Уфимский археологический вестник. 2021б. Т. 21, № 1. С. 33–41.
- 11 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017а. Т. 1. С. 11–64.
- 12 Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017б. Т. 6, № 3(20). С. 227–231.
- 13 Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3(59). Т. 3. С. 34–40.
- 14 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 24, № 4. С. 85–100.
- 15 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103–117.
- 16 Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- 17 Бубенок О.Б. Реликты традиций скифского времени в погребальных обрядах тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 131–147.
- 18 Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Кн. IV. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- 19 Гимранов Д.О. Архезоологический анализ материала из могильника Ашутасты-2 // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 352–353.
- 20 Грудочко И.В. Курганы с «усами». Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях V–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 42–49.
- 21 Грудочко И.В. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Соц.-гум. науки». 2019. Т. 19, № 3. С. 21–27.

- 22 Грудочко И.В. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт: Martin Opitz, 2020. 205 с.
- 23 Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. III. С. 36-63.
- 24 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья. Сб. статей и публикаций / Отв. ред. Т.А. Егорова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. Вып. 5. С. 127-142.
- 25 Досымбаева А.М. Тюркология. Историко-археологический аспект. Алматы: Service Press, 2014. 224 с.
- 26 Дубровский Д.В. Пространственные характеристики погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии (конец XIX - нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 177 с. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/prostranstvennyye-harakteristiki-pogrebalnogo-obrjada-tjurkojazychnyh-kochevnikov.html> (дата обращения: 10.09.2022)
- 27 Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э.: Сб. статей / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 157-165.
- 28 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26-32.
- 29 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. (г. Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129-135.
- 30 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Комплекс Аксай-1 (к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней Центрального Казахстана) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 7-23.
- 31 Искаков К.А., Умиткалиев У.У., Тлеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т. Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 150-162.
- 32 Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. Алматы: Евразия, 1993. 79 с.
- 33 Кошман Т.В., Дукомбайев А.Т. Натурное обследование культурных мемориалов периода Казахского ханства (мусульманский некрополь Караоткель) // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 173-191.
- 34 Кулумжанов Н.Е., Жолдубаева А.К., Котошева К.К. Культ предков в миропонимании казахов // Вестник КазНУ. Сер. философии, культурологии и политологии. 2018. Вып. 63, № 1. С. 159-167.
- 35 Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д. Археологические исследования «кургана с усам» Унирек 2 в Шетском районе // Маргулановские чтения–2018. М-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе, 2018. С. 291-294.
- 36 Мананова А.М. Наследие Алькея Хакановича Маргулана // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 48-58. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.48.58 (на каз. яз.)
- 37 Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. историч. 1948. № 49. С. 119-145.
- 38 Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. № 67. Вып. 2. С. 3-36.
- 39 Маргулан Д.А. Жизнь и научная деятельность А.Х. Маргулана. Образ ученого и человека // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 37-47. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.37.47
- 40 Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. Курган военной элиты саков Торгая // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 233-247.

- 41 Раздыкова Г.М. Религиозный синкретизм казахов Степного края // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2010. № 3(59). С. 29-37.
- 42 Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- 43 Самашев З. Еще раз об объектах с каменными грядами // Bulletin of history. 2021. № 3 (102). С. 70-80.
- 44 Сейдаметов Э.Х., Кадыров Р.Р. Погребальные обряды тюрков в средневековье // Наука, образование и культура. 2016. № 5 (8). С. 14-17.
- 45 Солнечные курганы Ашутасты. Официальный сайт областной газеты «Костанайские новости». URL: <https://kstnews.kz/newspaper/356/item-31297> (дата обращения: 26.07.2022)
- 46 Стасевич И.В. Практика поклонения сакральным объектам и предметам в традиционной и современной культуре казахов и киргизов (в контексте изучения культа святых) // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. III. СПб., 2013. С. 270-301.
- 47 Ташышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев): архаические культы и новации // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 4(18). С. 103-111.
- 48 Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Бонора Ж.Л. Хроника полевых исследований 2018–2020 гг. // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабдулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 14-45.
- 49 Хабдулина М.К. Механизм сакрализации ландшафта и функции сакральных ландшафтов в историко-археологическом контексте // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабдулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 60-84.

REFERENCES

- 1 Abramzon, S. M. 1990. *Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi (Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural relations)*. Frunze: Kyrgyzstan (in Russian).
- 2 Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Doumani, Dup`yu P., Isin, A. I., Rakhmankulov, E., Kurmangaliev, A. K. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulan readings–2019*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 208-222 (in Russian).
- 3 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, vol. 6, No. 2 (19), 117-120 (in Russian).
- 4 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S., Baidaly, R. Zh. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnyh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 275-327 (in Russian).
- 5 Beisenov, A. Z. 2015. In: Baipakov K.M. (ed.). *Kazahskoe hanstvo v potoke istorii (The Kazakh Khanate in the flow of history)*. Almaty, 521-533 (in Russian).
- 6 Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, vol. 2, 31-37 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z. 2018. In: *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)*, 2 (27), 386-396 (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2020. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, vol. 29, No. 1, 122-134 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z. 2021a. In: Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvoretz kultury. Materialnaya kultura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i etnografii (The creator of culture. Material culture and spiritual space of Man in the light of archaeology, history and ethnography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, 261-277 (in Russian).
- 10 Beisenov, A. Z. 2021b. In: *Ufimskiy arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, vol. 21, No. 1, 33-41 (in Russian).
- 11 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., vol. 1, 11-64 (in Russian).

- 12 Beisenov, A. Z., Duisenbay, D. B., Svyatko, S. V. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, vol. 6, No. 3(20), 227-231 (in Russian).
- 13 Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, No. 3 (59), vol. 3, 34-40 (in Russian).
- 14 Beisenov, A. Z., Kasenalin, A. E. 2018. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, vol. 24, No. 4, 85-100 (in Russian).
- 15 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duisenbay, D. B., Akhiyarov, I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 16 Botalov, S. G.; Tairov, A. D.; Lyubchanskiy, I. E. 2006. *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskikh stepey (Mounds with “moustaches” of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: South Ural Branch of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS (in Russian).
- 17 Bubenok, O. B. 2021. In: *Novye issledovaniya Tuvy (New studies of Tuva)*, 1, 131-147 (in Russian).
- 18 Gerodot. 1972. *Istoriya v devyati knigakh (A story in nine books)*. Book IV. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 19 Gimranov, D. O. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 352-353 (in Russian).
- 20 Grudochko, I. V. 2017. In: *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 17, 42-49 (in Russian).
- 21 Grudochko, I. V. 2019. In: *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsialno-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. The series “Social and Humanitarian Sciences”)*, vol. 19, No. 3, 21-27 (in Russian).
- 22 Grudochko, I. V. 2020. *Kurgany s «usami». Epokha pozdney drevnosti i rannego srednevekoviya uralo-kazakhstanskikh stepey (IV–VII vv. n.e.) (Mounds with “moustaches”. The epoch of late antiquity and the Early Middle Ages of the Ural-Kazakh steppes (4th–7th centuries AD))*. Budapesht: Martin Opitz (in Russian).
- 23 Dashkovskiy, P. K., Seregin, N. N. 2009. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v istoricheskoy retrospektive (The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect)*. Barnaul: “Azбуka” Publ., Issue III, 36-63 (in Russian).
- 24 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechye)*, 5. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 127-142 (in Russian).
- 25 Dosymbayeva, A. M. 2014. *Tyurkologiya. Istoriko-arkheologicheskij aspekt (Turkology. Historical and archaeological aspect)*. Almaty: “Service Press” Publ. (in Russian).
- 26 Dubrovskiy, D. V. 2007. *Prostranstvennyye kharakteristiki pogrebnogo obryada tyurkoyazychnykh kochevnikov Tsentralnoy Azii (konets XIX - nach. XX vv.) (Spatial characteristics of the funeral rite of the Turkic-speaking nomads of Central Asia (the end of the 19th – beginning of the 20th centuries))*. Saint Petersburg. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/prostranstvennyye-harakteristiki-pogrebnogo-obryada-tjurkojazychnyh-kochevnikov.html> (accessed: 10.09.2022)
- 27 Ermolenko, L. N. 1994. In: Ilyushin, A. M. (ed.). *Etnokulturnye protsessy v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v I–II tysyacheletii n.e. (Ethnocultural processes in Southern Siberia and Central Asia in the 1st – 2nd millennia AD)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 157-165 (in Russian).
- 28 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2015. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, No. 1(61), vol. 3, 26-32 (in Russian).
- 29 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 129-135 (in Russian).
- 30 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2021. In: *Narody i religii Evrazii (Peoples and religions of Eurasia)*, vol. 26, No. 3, 7-23 (in Russian).
- 31 Iskakov, K. A., Umitkaliev, U. U., Tleugabulov, D. T., Dukombajev, A. T. 2022. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology)*, vol. 21, No. 7, 150-162 (in Russian).

- 32 Karakuzova, Zh. K., Khasanov, M. Sh. 1993. *Kosmos kazakhskoy kultury (The cosmos of Kazakh culture)*. Almaty: “Evraziya” Publ. (in Russian).
- 33 Koshman, T. V., Dukombajev, A. T. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 173-191 (in Russian).
- 34 Kulumzhanov, N. E., Zholdubayeva, A. K., Kotosheva, K. K. 2018. In: *Vestnik Kazakhskogo Natsionalnogo Universiteta. Seriya filosofii, kulturologii i politologii (Bulletin of Kazakh National University. Series of Philosophy, Cultural Studies and Political Science)*. Issue 63, No. 1, 159-167 (in Russian).
- 35 Kurmankulov, Zh. K., Utubaev, Zh. R., Kasenova, A. D. 2018. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Margulan readings–2018*. Almaty; Aktobe, 291-294 (in Russian).
- 36 Манарова, А. М. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 48–58. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.48.58 (in Kazakh).
- 37 Margulan, A. Kh. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. istorich. (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. of History)*, 49, 119-145 (in Russian).
- 38 Margulan, A. Kh. 1949. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. of Archaeology)*, 67 (vol. 2), 3-36 (in Russian).
- 39 Margulan, D. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 37-47. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.37.47
- 40 Onggaruly, A., Kairmagambetov, A. M., Nuskabay, A. A., Rakhimzhanova, S. Zh. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (33), 233-247 (in Russian).
- 41 Razdykova, G. M. 2010. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya» (Bulletin of Karagandy University. The series “History. Philosophy”)*, 3 (59), 29-37 (in Russian).
- 42 Sagalaev, A. M., Oktyabrskaya, I. V. 1990 *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual (The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. A sign and a ritual)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 43 Samashev, Z. 2021. In: *Bulletin of history*, 3 (102), 70-80 (in Russian).
- 44 Seidametov, E. Kh., Kadyrov, R. R. 2016. In: *Nauka, obrazovanie i kultura (Science, education and culture)*, 5 (8), 14-17 (in Russian).
- 45 *Solnechnye kurgany Ashutasty (The solar mounds of Ashutasty)*. URL: <https://kstnews.kz/newspaper/356/item-31297> (accessed: 26.07.2022)
- 46 Stasevich, I. V. 2013. In: *Tsentrlnaya Aziya: Traditsiya v usloviyakh peremen (Central Asia: Tradition in conditions of Change)*. Issue III, St. Petersburg, 270-301 (in Russian).
- 47 Tadsheva, N. O. 2017. In: *Tomskiy zhurnal LING i ANTR (Tomsk journal of LING and ANTR)*, 4 (18), 103-111 (in Russian).
- 48 Tleugabulov, D. T., Dukombaiev, A. T., Bonora, Zh. L. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 14-45 (in Russian).
- 49 Khabdulina, M. K. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 60-84 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.09.2022.

